

ЕВГЕНИЙ ЕВСЕЕВ

РАСИЗМ ПОД ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДОЙ

К ИСТОРИИ
«ЕВРЕЙСКОГО
ВОПРОСА»

израильскую агрес

1930
израильским агрессор

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Евгений Евсеев

**Расизм под голубой звездой. К
истории «еврейского вопроса»**

«Алисторус»

2026

УДК 327.39(=924)
ББК 66.3

Евсеев Е. С.

Расизм под голубой звездой. К истории «еврейского вопроса» /
Е. С. Евсеев — «Алисторус», 2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-707-6

В 1980-е эта книга произвела в мире эффект разорвавшейся бомбы. Советский исследователь-международник, выдающийся арабист Евгений Семенович Евсеев (1932–1990) на документальной основе показал преступную сущность сионизма, стоящего в основе политики современного Израиля. В этой книге аргументированно показаны корни сионизма, его типологическое сходство с крайне правыми фашистскими политическими течениями. Раскрыта роль сионизма в истории XX века, в борьбе против Советского Союза. Как возникло государство Израиль? Кто в еврейском мире является кукловодом, а кто – жертвой? Евсеев показывает идеологическую подоплеку войн Израиля на Ближнем Востоке, роль сионизма в чехословацком кризисе 1968 года. Можно ли считать израильскую политическую систему фашистской? Какую роль в идеологии сионизма играет расизм? Кто противостоит еврейскому фашизму – и в еврейской общественности, и в мире? Читайте документальный триллер номер один.

УДК 327.39(=924)

ББК 66.3

ISBN 978-5-00269-707-6

© Евсеев Е. С., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Семенович Евсеев
Расизм под голубой звездой
К истории «еврейского вопроса»

* * *

© Евсеев Е.С., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть I

Глава 1

Основоположники марксизма-ленинизма об иудаизме и сионизме

Сионизм, как известно, многолик. Он стремится распространять свои идеи под любым флагом, не чуждаясь при случае и социалистической фразеологии. Уже поэтому особого внимания требуют оценки существа так называемого «еврейского вопроса», содержащиеся в работах основоположников марксизма-ленинизма.

Главный тезис сионистов, который они стремятся во что бы то ни стало утвердить, есть антинаучное положение о «богоизбранной» «всемирной еврейской нации». «Левые» сионисты при этом могут покритиковать «правых» за «еврейский буржуазный национализм». Критика «еврейского национализма» «уравновешивается» рассуждениями об «антисемитизме», причем содержание этого термина не раскрывается. В буржуазной литературе нередко можно встретить утверждение, будто сионизм – это реакция на антисемитизм, то есть явление якобы в конечном счете вполне закономерное.

Опровержение тезиса иудаизма и сионизма о «богоизбранности» «еврейского народа» не требует какого-либо углубления в теорию: несостоятельность его очевидна. Другое дело сама концепция «всемирного еврейского народа», «нации». Для научной критики этой концепции необходим теоретический и исторический марксистский подход.

В первой половине XIX в., в связи с развитием буржуазных отношений и становлением буржуазного правопорядка в Европе, оживленно обсуждалась проблема «эмансипации еврей-

ства». В 40-е годы появился ряд работ Бруно Бауэра, посвященных этому вопросу. С оценкой последних и выступил Карл Маркс. Опубликованная в 1844 г. статья «К еврейскому вопросу» явилась одной из первых, где, по замечанию В. И. Ленина, «Маркс резко и рельефно подчеркивает... основные принципы всего своего мировоззрения». Основные положения статьи были затем подтверждены в работе «Святое семейство», написанной К. Марксом совместно с Ф. Энгельсом.

Бауэр принадлежал к течению младогегельянцев, с позиций буржуазного радикализма критиковавших существовавший строй. В своих работах он подробно разбирал требования и претензии еврейской буржуазии в сопоставлении с требованиями других общественных слоев. Бауэр подверг критике их стремление противопоставить «свою» свободу свободе других социальных групп.

«Почему же, – говорил Бауэр, – им не нравится их особое иго, если всеобщее иго им по душе? Почему немец должен интересоваться освобождением еврея, если еврей не интересуется освобождением немца?» Такая постановка вопроса не вызывала возражений К. Маркса. «Когда еврей хочет эмансипироваться от христианского государства, – отмечает Маркс, – то он тем самым требует, чтобы христианское государство отказалось от своего религиозного предвзвешивания. Но разве он, еврей, отказывается от своего религиозного предвзвешивания? Имеет ли он, в таком случае, право требовать от других этого отречения от религии?» «До тех пор, пока государство остается христианским, а еврей остается евреем, – продолжает Маркс, – оба так же мало способны дать эмансипацию другим, как и получить ее от других».

Давая оценку идее «еврейской национальности», о которой рассуждает Бауэр, Маркс указывает: «Христианское государство может относиться к еврею лишь так, как это свойственно христианскому государству, т. е. по принципу привилегий, позволяя еврею обособиться от прочих подданных, но заставляя его зато испытывать гнет других обособленных сфер, и с тем большей остротой, что еврей находится в религиозной противоположности к господствующей религии. Но и еврей может относиться к государству только по-еврейски, т. е. относиться к государству как к чему-то чуждому, противопоставляя действительной национальности свою химерическую национальность, действительному закону – свой иллюзорный закон, считая себя вправе обособляться от человечества, принципиально не принимая никакого участия в историческом движении, уповая на будущее, не имеющее ничего общего с будущим всего человечества, считая себя членом еврейского народа, а еврейский народ – избранным народом».

Бауэр приходит к выводу о том, что «наиболее упорная форма противоположности между евреем и христианином есть религиозная противоположность. Как можно устранить противоположность? Для этого надо сделать ее невозможной. Как сделать религиозную противоположность невозможной? Для этого надо уничтожить религию». Путь «эмансипации» от религии, предлагаемый Бауэром вполне в духе младогегельянских концепций, Маркс расценивает как совершенно нереальный и недостаточный. Он обращает внимание, в частности, на то, что религия сохраняется и в тех странах, где государство как будто отказывается от навязывания какой-то религии своим гражданам. «Религия, – говорит К. Маркс, – ...не причина мирской ограниченности, а лишь ее проявление. Поэтому мы объясняем религиозные путы свободных граждан государства их мирскими путями... Они покончат со своей религиозной ограниченностью только тогда, когда уничтожат свои мирские путы».

Маркс, таким образом, считает, что религия возникла и сохранилась не случайно, что она является отражением определенных общественных явлений. «Постараемся, – развивает он свою мысль, – взглянуть в действительного еврея-мирянина, не в еврея субботы, как это делает Бауэр, а в еврея будней».

Поиск тайны еврея не в его религии, – поиск тайны религии в действительном еврее»

Именно в постановке вопроса о «мирской» основе религии сказался принципиально новый, историко-материалистический подход, который является характерной чертой всех

последующих работ Маркса. Религия вообще – порождение бытия. Специфика религии – специфика бытия. «Какова мирская основа еврейства? – спрашивает Маркс. – Практическая потребность, своекорыстие.

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги». Отсюда следует и вывод: «Организация общества, которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно и возможность торгашества, – такая организация общества сделала бы еврея невозможным. Его религиозное сознание рассеялось бы в действительном, животворном воздухе общества, как унылый туман».

Следует иметь в виду, что Маркс нередко употреблял слово «еврейство» («Judentum») в смысле «торгашество». Это связано с тем, что в немецком языке слово «Jude» кроме своего основного значения – «еврей», «иудей» – употреблялось также в смысле «ростовщик», «торгаш» (эта сфера деятельности поощрялась иудаизмом). В эпоху первоначального накопления нарождающаяся буржуазия требовала аналогичных послаблений и со стороны христианства.

Торжество буржуазных отношений открывало перед еврейством такие перспективы, которые оно никогда не могло иметь раньше, в условиях преобладания натурального хозяйства и осуждения «неудобного богу» (христианскому) предпринимательства. С самого начала еврейство фактически находилось на положении одного из низших сословий по отношению к феодальной аристократии. Но, указывая на пропасть между юридическим и фактическим положением еврейства в современном ему обществе, Маркс отмечает, что «еврей эмансипировал себя еврейским способом, он эмансипировал себя не только тем, что присвоил себе денежную власть, но и тем, что через него и помимо него деньги стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов. Евреи настолько эмансипировали себя, насколько христиане стали евреями».

Переоценивая абстрактное, чисто теологическое содержание религий, Бауэр склонен был считать, что еврейство сохранялось лишь благодаря своеобразному противостоянию христианству. Возражая Бауэру, Маркс подчеркивает, что «еврейство удержалось рядом с христианством не только как религиозная критика христианства, не только как воплощенное сомнение в религиозном происхождении христианства, но также и потому, что практически-еврейский дух – еврейство – удержался в самом христианском обществе и даже достиг здесь своего высшего развития. Еврей, в качестве особой составной части гражданского общества, есть лишь особое проявление еврейского характера гражданского общества.

Еврейство сохранилось не вопреки истории, а благодаря истории.

Гражданское общество из собственных своих недр постоянно порождает еврея», – говорит Маркс о развивающемся капиталистическом обществе.

В условиях феодализма довольно интенсивно проходил процесс ассимиляции евреев за счет перехода из лагеря приверженцев иудаизма в лоно христианства. Противоположный процесс, видимо, был менее значительным. Однако он все-таки имел место. В эпоху первоначального накопления эти процессы становятся более заметными; усиливается, с одной стороны, отток иудеев в христианство, а с другой – срастание отдельных христианских «еретических» течений с еврейством. Указывая на жизнестойкость иудейства в условиях буржуазного общества, Маркс поясняет свою мысль: «Что являлось, само по себе, основой еврейской религии? Практическая потребность, эгоизм.

Монотеизм еврея представляет собой поэтому в действительности политеизм множества потребностей... Бог практической потребности и своекорыстия – это деньги.

Деньги – это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого бога». «То, – говорит далее Маркс, – что в еврейской религии содержится в абстрактном виде – презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как самоцели, – это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью...

Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека.

Беспочвенный закон еврея есть лишь религиозная карикатура на беспочвенную мораль и право вообще, на формальные лишь ритуалы, которыми окружает себя мир своекорыстия».

Таким образом, религиозные догмы иудаизма Маркс объясняет как «ритуалы» мира своекорыстия, который нашел благодатную почву для развития как раз в буржуазном обществе. Эпоха первоначального накопления, выдвинув на первый план ростовщиков, купцов, торгашей во всех их проявлениях, предпринимателей, делающих деньги, обострила противоречия между политической властью и властью денег. «Еврейский иезуитизм, – говорит Маркс, – тот самый практический иезуитизм, который Бауэр находит в талмуде, есть отношение мира своекорыстия к властвующим над ним законам, хитроумный обход которых составляет главное искусство этого мира». Соглашаясь с Бауэром в том, что иудаизм оказывается крайне бедным в теоретическом отношении, Маркс объясняет причину и этого явления. «Еврейство, – говорит он, – не могло дальше развиваться как религия, развиваться теоретически, потому что мировоззрение практической потребности по своей природе ограничено и исчерпывается немногими штрихами.

Религия практической потребности могла по самой своей сущности найти свое завершение не в теории, а лишь в практике – именно потому, что ее истиной является практика.

Еврейство не могло создать никакого нового мира; оно могло лишь вовлекать в круг своей деятельности новые, образующиеся миры и мировые отношения, потому что практическая потребность, рассудком которой является своекорыстие, ведет себя пассивно и не может произвольно расширяться; она расширяется лишь в результате дальнейшего развития общественных условий»!

Говоря о соотношении иудейства и христианства, Маркс подчеркивает неспособность христианства преодолеть эгоизм и своекорыстие – основу иудаизма. Призывая к «смирению», к обузданию своекорыстных потребностей в земной жизни, христианство обещает вознаграждение «на небесах» в виде удовлетворения тех же потребностей.

Отметив неспособность христианства устранить истоки иудаизма, Карл Маркс подчеркивает, что эту задачу не в состоянии решить и современное ему «гражданское», то есть буржуазное общество. «Мы объясняем, – говорит он, – живучесть еврея не его религией, а, напротив, человеческой основой его религии, практической потребностью, эгоизмом.

Так как реальная сущность еврея получила в гражданском обществе свое всеобщее действительное осуществление, свое всеобщее мирское воплощение, то гражданское общество не могло убедить еврея в недействительности его религиозной сущности, которая лишь выражает в идее практическую потребность». Заклучая статью, Маркс еще раз подчеркивает, что «сущность современного еврея мы находим не только в пятикнижии или в талмуде, но и в современном обществе, – не как абстрактную, а как в высшей степени эмпирическую сущность, не только как ограниченность еврея, но как еврейскую ограниченность общества». Отсюда следовал и практический вывод: «Как только обществу удастся упразднить эмпирическую сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет невозможным, ибо его сознание не будет иметь больше объекта...» «Общественная эмансипация еврея, – заключает Маркс, – есть эмансипация общества от еврейства».

Вопроса соотношения христианства и иудаизма касался и Ф. Энгельс в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство». К этому времени (1882 г.) сам «еврейский вопрос» в известном смысле осложнился. Но Энгельс касался в данной статье прежде всего истории. Он, в частности, поставил вопрос о том, почему христианство могло стать «мировой религией», тогда как иудаизм к этому не был способен. «...На Востоке, – говорит он, – свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала наступившему в конце концов упадку. Люди двух разных религий – египтяне, персы, евреи, халдеи – не могут вместе ни

пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом». «Это отделение человека от человека, – по мнению Энгельса, – было одной из основных причин гибели Древнего Востока. Христианство не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность, и обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится первой возможной мировой религией».

Слияние евреев с общей массой европейского населения было в то время возможно главным образом за счет разрыва с иудаизмом и перехода в христианство. И безусловный атеист Ф. Меринг отмечал прогрессивное значение этого акта для большого числа евреев. «В великой умственной работе наших лучших мыслителей и поэтов, – подчеркивал он в биографии К. Маркса, – еврейство не принимало участия. Скромный светоч Моисея Мендельсона тщетно силился осветить своему „народу“ путь в область немецкой духовной жизни. Как раз в те годы, когда Генрих Маркс (отец Карла Маркса. – Авт.) принял христианство, в Берлине образовался кружок еврейской молодежи, которая пошла по стопам Мендельсона. Но и ее попытки кончились неудачей, хотя среди этой молодежи были такие люди, как Эдуард Ганс и Генрих Гейне. Ганс, рулевой этого небольшого судна, первый спустил флаг и принял христианство. Гейне, правда, послал ему вслед суровое проклятие: „Еще вчера ты был герой, сегодня – негодяй“, – однако и сам вскоре был вынужден заплатить ту же цену за „входной билет в европейскую культуру“. Оба сыграли историческую роль в духовном развитии Германии своего века. Имена же их прежних товарищей, сохранивших верность еврейству, давно забыты.

Вот почему в течение многих десятков лет переход в христианство был в смысле культуры шагом вперед для свободомыслящих в еврействе».

Иудаизм отгорожен от внешнего мира (прежде всего христианского) системой гетто и самоизоляции. В течение многих столетий раввинам воспитывал у приверженцев иудаизма ненависть по отношению к «гоям», то есть всем неевреям. С торжеством буржуазных отношений в Европе роль христианской церкви все более ограничивается и формальный переход в христианство нередко становится формой отрицания религиозного фанатизма.

Торжество капитализма в Европе и Северной Америке поставило «мирского бога Израиля» над всеми другими в глазах буржуа этих стран. Религия своекорыстия, практической потребности и эгоизма стала повседневной практикой всего буржуазного общества. «Министры, генералы, князья и графы, – отмечал Фридрих Энгельс, говоря о Пруссии, – состязаются в биржевой игре с самыми продуманными биржевиками-евреями, а государство признает их равенство, целыми пачками возводя евреев-биржевиков в баронское достоинство». Но развитие капитализма приводило к обострению новых противоречий, в частности противоречий между самими капиталистами. В Германии, например, «собственно» немецким буржуа приходилось пробиваться «на верх» в упорной конкурентной борьбе с капиталистами-иудеями, занявшими в мире предпринимательства заметные позиции еще в пору средневековья. Буржуазия христианская для укрепления собственных позиций апеллирует к «своим», «единокровным» рабочим и особенно отсталым слоям общества, дабы устранить или максимально ослабить соперника. Но мишенью критики теперь становится не столько религия, сколько «происхождение», «раса».

Развитие буржуазных отношений связано и с подъемом национального самосознания, и с развитием национализма. Ослабление религиозного мировоззрения на первых порах способствует росту влияния «естественных» теорий, доказывавших извечную отчужденность и даже несовместимость отдельных рас и народов. Особенно сильны подобные настроения были в Германии, где во второй половине XIX в. впервые получил распространение и сам термин «антисемитизм».

Антисемитизм является одной из форм национальной и религиозной нетерпимости, выражающейся во враждебном отношении к евреям. В то же время это реакционное, антигуманное явление спекулятивно использовалось (и используется поныне) сионистами и раввинам в качестве жупела, с помощью которого предполагалось осуществить консолидацию рассыпавшихся еврейских общин. В трактовке современных сионистов понятие «антисемитизм» чаще всего используется, когда речь идет об антисиионизме и антииудаизме. Между тем термин этот не адекватен ни тому, ни другому. Немецкому буржуа трудно было критиковать многие важнейшие догмы иудаизма, так как он сам стоял на их почве. Поэтому ему представлялось более удобным обратить внимание на другое. Иудаисты упорно проповедовали свою этническую «исключительность», «национальность, идущую от Авраама». В течение многих веков проживания среди разных народов члены еврейских общин неизбежно (временами весьма интенсивно) смешивались с коренным населением. Но религиозная традиция по-прежнему вела генеалогию «от Авраама», а сионисты в тесной связи с этим выдвинули тезис об «извечности» антисемитизма, сводя его фактически именно к антииудаизму и объясняя его тем, что все не-иудеи не могут смириться с «духовным превосходством» «богоизбранного народа».

Все это давало возможность буржуазным идеологам и политикам направить неприязнь к некоторым специфическим постулатам иудаизма в расово-национальное русло. Согласно сочинениям идеологов иудаизма, носителями «мессианской» роли были иудеи-семиты. Немецкий буржуазный национализм стремился трактовать этот тезис совсем по-иному, представив семитов исключительными носителями тех пороков, которые сопутствовали буржуазному обществу. Не случайно В. И. Ленин назвал антисемитизм «гнусным раздуванием расовой особенности и национальной вражды».

Напомним, что до второй половины XIX в. крещеные евреи в Европе не испытывали никаких ограничений со стороны властей. Даже в царской России крещение уравнивало еврея в правах (причем не с крестьянами, которые прав не имели, а с русскими буржуа). В этих условиях антисемитизм становился средством политической борьбы, которое применялось всеми реакционными силами.

Но тут надо иметь в виду и следующее. Поскольку на повестку дня становилась борьба за свержение буржуазного строя, а «еврейство», торгашество, так или иначе являлось выражением мировоззрения этого общества, среди социалистов порой распространялись не только антииудаистские, но и антисемитские настроения.

Ф. Энгельс резко осудил попытки навязать социал-демократии антисемитизм как средство борьбы с буржуазным строем. Говоря об истоках антисемитизма, он подчеркивал, что «это не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества». Решительно осуждая антисемитизм, Ф. Энгельс в то же время подчеркивал, что «мирское» содержание иудаизма, как религии, выражающей существо буржуазного общества, равно как и пороки капитализма вообще, необходимо было постоянно разоблачать ради движения вперед, а не в целях возврата назад к средневековью.

Развитие капитализма выявило во второй половине XIX в. и еще одно существенное обстоятельство, которое ранее практически не прослеживалось. Капитализм коснулся и еврейских гетто, упорно сохранявшихся раввинам. Появляется еврейский пролетариат, который в силу своего положения оказался объектом воздействия со стороны двух противоположных идеологий: иудаизма, который призывал его к единению с евреем-капиталистом, обещая помощь (и иногда оказывая ее), и социализма – к нему еврей-пролетария побуждало обращаться его действительное социальное положение. Это воздействие так или иначе сказывалось и на участии евреев в рабочем движении: они могли быть в нем сознательной или бессознательной агентурой евреев-капиталистов и раввината, но очень часто рабочее движение окончательно отрывало их от иудаизма и направляло по пути единственно возможного решения и

так называемого еврейского вопроса, и всех других социальных язв буржуазного общества, то есть по пути революционной борьбы.

Иудаизм как религия стал стремительно терять влияние. В век быстрого развития науки не могла встречать энтузиазма архаическая обрядность. Примитивными стали казаться самим иудеям догмы иудаизма. Капитализм помог вскрыть и их кажущуюся ирреальность. И для еврейской буржуазии возникла потребность в «реформировании» своей обветшалой идеологической системы ради сохранения идей об «особой миссии». Этой цели и должен был послужить возникший в конце XIX в. сионизм.

Сионизм возник в условиях, когда наряду с ростом конкуренции и зарождением монополий на повестку дня встал вопрос о ликвидации капиталистического строя вообще, как строя, обреченного историей. Приспосабливая иудаизм к потребностям крупной еврейской буржуазии в свете изменившихся условий, сионизм пытался консолидировать и еврейскую буржуазию, и еврейские социальные низы на базе все тех же иллюзорных идей об «особой миссии» и т. д. Сионисты заимствуют из иудейской религии идею «богоизбранности» и формируют концепцию «всемирного еврейского народа», «нации». О принадлежности к «богоизбранному народу» напоминают и тем, кто давно порвал с иудаизмом. Сочиняются фантастические истории от библейских времен до наших дней, которые должны убеждать и в «особой миссии», и в «извечном отчуждении» «сверхнарода» От всего остального человечества.

Об истории появления сионизма и его сущности немало писали, хотя, конечно, вопрос этот далеко еще не исчерпан. На этих страницах отметим лишь одно немаловажное обстоятельство. Сионизм, как уже говорилось, зародился в Западной Европе, где к концу XIX в. ассимиляция зашла настолько далеко, что грозила местами полным уничтожением еврейских общин. Поэтому взоры сионистов вскоре с особой надеждой устремляются к царской России, где еще сохранялись средневековые ограничения для последователей иудаизма и где более прочные позиции имел внутри еврейских общин раввинат. Характерно, что в России на первых порах сионизм действовал открыто (тогда как, например, социал-демократия находилась в глубоком подполье и преследовалась самыми свирепыми методами). Царизм и сионизм были заинтересованы и в сохранении антисемитизма, и в стремлении оторвать еврейские низы от набиравшего силу рабочего движения.

Следует заметить, что в связи с настойчивой кампанией сионистов в пользу существования особой еврейской «нации» или «народа», а также в связи с общей неразработанностью на рубеже XIX–XX вв. теории нации в обиходе очень часто говорили и о «еврейской нации», и о «еврейском вопросе» как части национального вопроса. Но В. И. Ленин неоднократно указывал на неадекватность в данном случае бытовых и научных представлений. В сущности, понятие «еврейской нации» или «народа» могло удерживаться в общественно-политической жизни именно потому, что специальной теоретической разработки их не было и в одни и те же термины подчас вкладывалось разное содержание.

Хотя одной из задач сионизма было именно противодействие развитию социалистического движения, он не упускал возможности завоевать для себя плацдармы и в самом этом движении. В России такой удобной для распространения сионистских идей организацией явился Бунд. Уже в 1906 г. один из лидеров сионизма В. Жаботинский писал, что «Бунд и сионизм – это не два ростка из одного корня: это большой ствол и один из его побегов... Когда будущий исследователь напишет связную историю сионистского движения, в его труде, быть может, особенное внимание читателя привлечет одна глава... в начале ее читатель встретит повторение мыслей Пинскера, в конце – первую прокламацию „Поалей Цион“. В этой главе будет рассказан один из эпизодов сионизма, и она будет озаглавлена „Бунд“».

История Бунда – это наглядная иллюстрация провала попыток совместить социалистические идеи с мелкобуржуазным и религиозным мировоззрением. В реферате, зачитанном в Вильно перед еврейскими рабочими в 1895 г. и позднее изданном в печати, Ю. О. Цедер-

баум (Мартов), отнюдь не именуясь сионистом, внушал своей аудитории следующие идеи: «... когда русскому пролетариату придется жертвовать некоторыми из своих требований для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, он скорее пожертвует такими требованиями, которые касаются исключительно евреев, например, свободы религии или равноправия евреев». Следовательно, делал вывод Мартов, необходимо создать специально еврейскую рабочую организацию.

Социал-демократы, разумеется, всегда ратовали за свободу вероисповедания, но боролись они прежде всего не за религиозную свободу, а за свободу от религии. В. И. Ленин решительно отвергал самую форму обращения приверженцев Бунда к русским пролетариям: «Наши товарищи из „христианских рабочих организаций“». Он находил такое обращение «диким». «Мы, – подчеркивал он, – никаких „христианских“ рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Российской социал-демократической рабочей партии, никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда не будут делать этого...».

Пока речь шла об уравнивании в правах иудейской религии и ее приверженцев с господствующей в стране религией, «социалисты»-иудаисты делали вид, что идут вместе с пролетариатом данной страны. Но едва появлялась возможность получить какие-то преимущества для иудаистов, вопреки общим интересам рабочего класса, как те же «социалисты» оказывались в лагере реакции.

Что касается Бунда, то он временами внешне как будто выступал за то же, что и РСДРП. Социал-демократы требовали права наций на самоопределение – и Бунд требовал права евреев на самоопределение. РСДРП требовала равноправия языков – и Бунд добивался такого же права, только для евреев. Разница в постановке вопроса, как видим, существенна. Бундовцев не интересовало положение широких трудящихся масс, если это нельзя было каким-либо образом использовать в собственных интересах. Они говорили (и подчас справедливо) о тех или иных трудностях, испытываемых евреями. Но для них были безразличны страдания многих миллионов обездоленных, находившихся в еще более тяжелом положении.

Специфическое содержание идеологии Бунда особенно ярко сказалось в требовании ими субботного отдыха для евреев и даже особых больниц, где обстановка должна способствовать выздоровлению правоверного иудея.

XX в. особенно обнажил несовместимость религиозного подхода с принципами научного социализма. Сионисты и их открытые или замаскированные сторонники немало труда положили для прикрытия религиозных традиций и претензий «национальными». Они взяли на вооружение тезис Р. Шпрингера о том, что нация – это «союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих личностей». Поскольку «одинаково мыслить и говорить» евреи могли, только будучи привязанными к иудейской религии, слова «нация» и «национальность» являлись в данном случае прикрытием именно религиозной традиции.

Манипуляции сионистов и бундовцев открыто буржуазного направления с понятием «нация» сбивали с толку многих марксистов, не занимавшихся специально национальным вопросом и иудаизмом. Поэтому исключительное значение имела критика В. И. Лениным этого сионистского тезиса. Апелляция «к идее еврейской нации», подчеркивал В. И. Ленин в статье «Положение Бунда в партии», имеет «несомненно принципиальный характер». «К сожалению только, – сразу определяет свою позицию В. И. Ленин, – эта сионистская идея – совершенно ложная и реакционная по своей сущности» 30. В подтверждение своих слов он воспроизводит резкую отповедь французского радикала Альфреда Накэ в адрес сионистов: «Если Бернару Лязару... угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; но я заявляю, что, хотя я и родился евреем... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они несомненно были народом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорическим нет». «Евреи немецкие и французские, – пояснял Альфред Накэ, – совсем

не похожи на евреев польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток... национальности... Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Приведя эту цитату и солидаризируясь с ней, В. И. Ленин иронизирует, что «бундовцам остается разве только разработать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией – черта оседлости».

Указав на то, что наука рубежа XIX и XX вв. отвергает «не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства», В. И. Ленин обращает внимание и на другую сторону вопроса: «Совершенно несостоятельная в научном отношении идея об особом еврейском народе, – писал он, – реакционна по своему политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической действительности». В. И. Ленин в данном случае касается все той же проблемы «эмансипации еврейства», которая – в свое время занимала Б. Бауэра и которая в позднейший период дала определенные результаты. «Во всей Европе, – отмечает В. И. Ленин, – паденье средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением». «Еврейский вопрос, – подчеркивает он, – стоит именно так: ассимиляция или обособленность? – и идея еврейской „национальности“ носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение „гетто“». «Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена, – говорит В. И. Ленин, приводя известное замечание Каутского, – „только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности“». «И вот, – отмечает далее В. И. Ленин, – этому единственно возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской „нации“...». «Это, – суммирует В. И. Ленин изложенное, – основная ошибка „бундизма“...».

«Слияние с общей массой населения» для западноевропейских стран и России было возможно лишь на пути преодоления религиозных предрассудков или же прямого разрыва с иудаизмом. Игнорируя это, сионисты и бундовцы поднимали крик об «ассимиляторстве», которое якобы им навязывали социал-демократы и которое в их представлениях чуть ли не отождествлялось с физическим истреблением еврейского населения. «... Тот якобы марксист, – возражал В. И. Ленин бундовцам, – который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за „ассимиляторство“, на деле представляет из себя просто националистического мещанина». «Кто не погряз в националистических предрассудках, – подчеркивал Ленин, – тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов – особенно в отсталых странах вроде России». В. И. Ленин требовал только безусловной добровольности при ликвидации всех и всяких полуфеодалных пережитков и ограничений.

Большевики неоднократно предпринимали попытки воздействовать на Бунд самым опытом совместной революционной борьбы. Однако с течением времени окончательно выявилась неспособность Бунда встать на позиции действительных интересов рабочего класса. Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали «экономистов», меньшевиков, ликвидаторов, вели борьбу против большевиков, Ленина. В 1917 г. они встали на сторону врагов Октябрьской революции, а позже бундовские руководители открыто сомкнулись с силами контрреволюции. Вместе с тем в обстановке гражданской войны и иностранной военной интервенции среди

рядовых членов Бунда наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. Многие из них порвали с мелкобуржуазной идеологией, сионизмом и иудаизмом и перешли на пролетарские позиции.

В Советской стране были созданы все условия для постепенного изживания националистического и религиозного мировоззрения. При этом была проделана огромная воспитательная и идейно-политическая работа, фундаментальной основой которой стали произведения основоположников марксизма-ленинизма. Именно они содержат необходимые теоретико-методологические посылки для понимания реакционного существа сионизма и иудаизма.

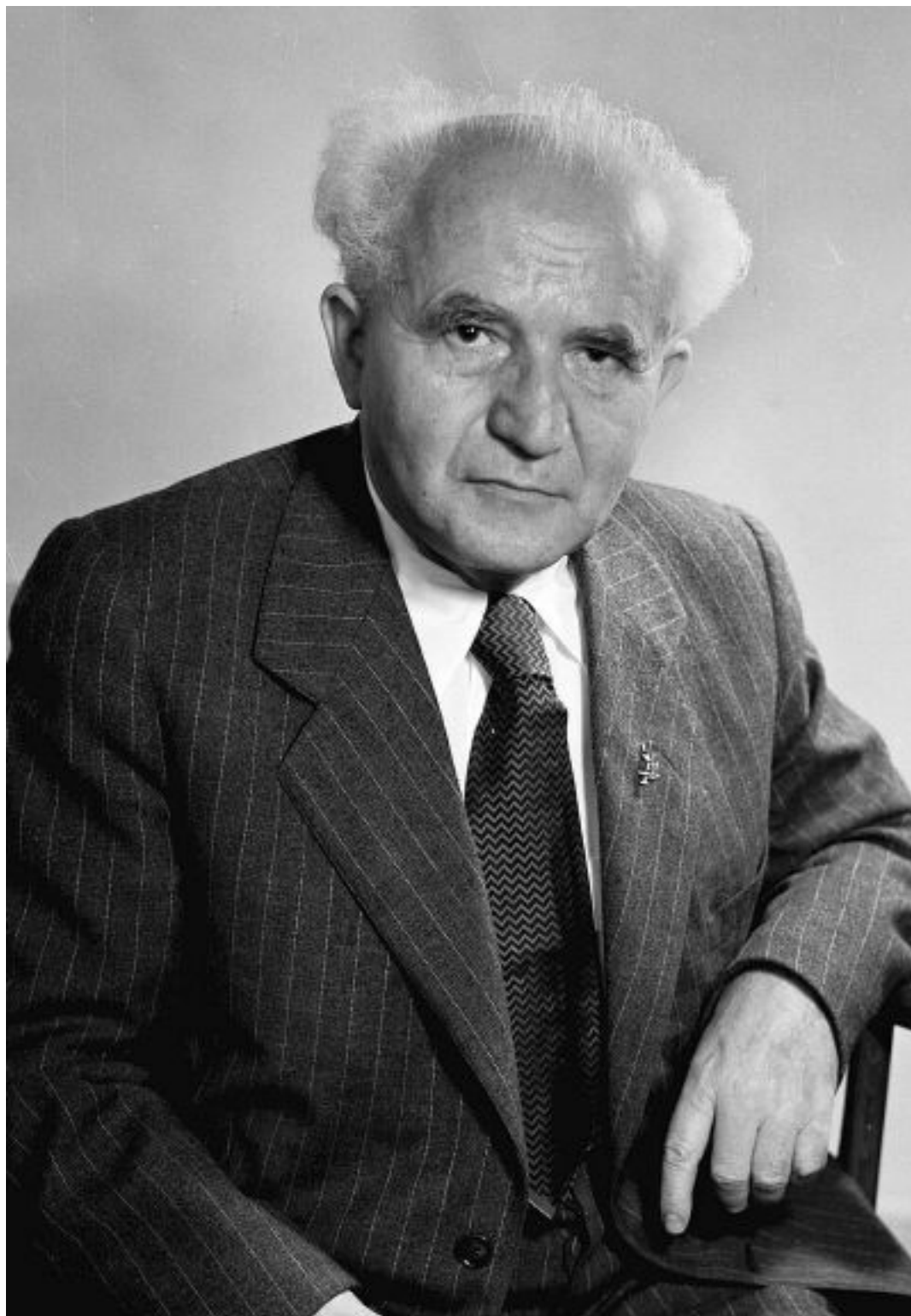
Глава 2

Политизация религиозных догм иудаизма

В настоящее время иудаизм составляет один из важных компонентов сионистской идеологии государства Израиль, а сионизм является одновременно и официальной политикой израильских правящих кругов. Курс на соединение здесь политики и религии нашел свое логическое завершение в системе официальной религии государства, которое «относится к религии политически, а к политике религиозно». Поэтому проблеме политизации религиозных догм иудаизма и модернизации иудейской религии представляется целесообразным рассматривать, с одной стороны, через призму деятельности государства Израиль, его внутренней и внешней политики, а с другой – через идейно-политическую деятельность международного сионизма вообще.

Сионисты совместно с иудаистами используют догмы и заповеди иудаизма чисто прагматически, выхватывая из торы и талмуда 37 то, что способствует реализации их политических, экономических и иных целей как на Ближнем Востоке, так и в других районах мира. Иудаизм, таким образом, превращен ими в идеологическое орудие экспансии, милитаризма и расизма, открыто поставлен на службу интересам империализма.

Идеологи и проповедники сионизма и иудаизма (М. Винер, Х. Житловский и другие) упорно стремятся доказать некую «общечеловеческую» значимость иудейского вероучения. Настало время, провозглашает Винер, превратить иудаизм в «рационалистическую, универсальную, чисто этическую религию... которую рекомендовали бы всем сынам человеческим в качестве нормы и критерия религиозной истины».

Бен Гурион

Живя в разных странах мира, евреи при помощи иудаизма якобы содействовали духовному обогащению этих стран, развитию цивилизации, науки и культуры народов, утверждают сионисты и приписывают, таким образом, этой религии «всемирно-исторические заслуги».

Роль иудаизма, по мнению одного из давних лидеров сионизма Д. Пасманика, будет при определенных условиях возрастать. Он писал в журнале «Еврейский мир» в 1909 г., что «религиозное творчество еврейства не окончательно иссякло и что может наступить время, когда

иудаизм опять наложит свою печать на религиозное мышление человечества». Говоря о борьбе христианства с иудаизмом, Пасманик делал вывод, что «эта борьба еще не окончилась и даже еще не достигла своего апогея. Эта борьба не может теперь принять выпуклые формы, потому что ариец-христианин носит в себе элементы обоих мировоззрений: поскольку он ариец, он стоит в лагере эллинизма; поскольку он искренний христианин, он так или иначе прикован к иудаизму... Лишь будущее решит эту борьбу в пользу того или иного из борющихся или же в пользу синтеза, способного примирить все культурное человечество». На последнее, по утверждению сионистов, способен лишь иудаизм. В соответствии с этим Пасманик воспевал «силу и вечность чистого иудаизма, сохранившего представление о божестве, как о живом, ощущаемом боге, в отличие от абстрактного понятия о боге в учении Филона, перемешанном с идеями Платона и стоиков».

Позиция Филона, с сожалением пишет Пасманик, привела иудаизм не к обогащению, а к разложению. Он цитирует слова сионистского автора Крюгера: «Все его (Филона. – Лет.) мировоззрение страдает непоследовательностью: оно не еврейское, не греческое, а лишь смесь еврейских и эллинских элементов. В этом его слабость, в этом причина ничтожного влияния, которое имел Филон и ученые евреи диаспоры вообще на еврейство». Филон, отмечает тот же Пасманик, имел влияние лишь «на христианских апологетов и на языческих философов, но не евреев. Господство над последними удержали раввины...».

Сионистские авторы и богословы стремятся подчеркнуть внутреннюю неизменность иудаизма. Но это и есть «классический» подход к его модернизации: сохранить «силу и вечность чистого иудаизма». Именно эту «силу и вечность чистого иудаизма» пытаются сохранить и современные модернизаторы иудейской религии.

Интересно, что иудео-сионистские деятели, как правильно отметил Ю. Иванов, придают обработке неевреев в духе «безусловного преимущества еврейского национального гения» большее значение, чем работе среди своих единомышленников. Можно упомянуть в этой связи о воззвании Всемирной сионистской организации.

Зачастую религиозно-политический альянс иудаистов и сионистов выступает под ширмой филантропических обществ вроде «Джойнт», «Хиас», ЮДЕ (Юнайтед джуиш эппил – Объединенный еврейский призыв) и других, маскируя свою преступную деятельность, направленную на то, чтобы парализовать интернационалистские стремления еврейских рабочих и большинства еврейского населения, в особенности в странах социализма.

Вместе с сионистами иудео-клерикалы раздувают шумные клеветнические кампании вокруг несуществующего вопроса о «преследованиях евреев и иудейской религии в СССР», созывают так называемые всемирные конференции еврейских общин с фарисейскими призывами «спасения еврейской индивидуальности» – разумеется, при помощи иудаизма и его догматов. Прикрываясь иудаизмом, сионисты пытаются вести антикоммунистическую и антисоциалистическую пропаганду, вербовать своих сторонников.

Однако граждане еврейской национальности СССР и других социалистических стран в массе своей давно уже рассматривают сионистов как врагов трудящихся. Многочисленные антиссионистские и антиклерикальные выступления в капиталистических странах также наглядно свидетельствуют о росте сознательности в среде трудящихся евреев. В самом Израиле все чаще происходят острые схватки между прогрессивно настроенными представителями студенчества, рабочих и интеллигенции с религиозными фанатиками. Это подтверждают, в частности, массовые демонстрации протеста у кнессета в начале 1970 г. по поводу клерикального законопроекта «Кого считать евреем», а также внушительные антиссионистские демонстрации во время заседания 28-го конгресса сионистов в Израиле, сессий исполкома Всемирного еврейского конгресса и других организаций сионизма.

* * *

Идеологи иудаизма пытаются представить свою религию как «динамическую веру», якобы способную гармонически сочетаться с новым мышлением, приходящим в мир с каждой новой эпохой, сохраняя при этом неизменным свое внутреннее содержание.

Утверждение относительно способности иудаизма к «саморазвитию» нашло свое отражение в выступлениях, в частности, американских иудейских теологов: «Мы признаем в иудаизме прогрессивную религию, всегда стремящуюся соответствовать требованиям разума». Выдвинув идею «постоянного имманентного развития религии», иудейская теология старается скрыть земной источник происходящих изменений (ведущих на деле – в конечном счете – к исчезновению религиозных взглядов). С этой целью была сформулирована концепция так называемого «продолжающегося откровения», сущность которой сводилась к тому, что «откровение» рассматривалось не как заверченный акт в прошлом (Синайское откровение), а как некий процесс, не ограниченный во времени. В этом плане американские иудейские идеологи еще в 1937 г. заявляли следующее: «Бог открывает себя не только в величии, красоте и порядке природы, но также в пронизательности и нравственной устремленности человеческого духа. Откровение есть продолжающийся процесс, не ограниченный какой-либо одной группой или эпохой».

Попытки представить вносимые в иудаизм изменения как результат «саморазвития» религиозной идеи на основе «продолжающегося откровения» ничего общего с действительностью не имеют. Любые изменения в религиозной идеологии определяются в конечном итоге отражением в ней экономических и социально-политических отношений, оказывающих влияние на эту идеологию через обыденное религиозное сознание. Именно последнее, являясь самой массовой формой выражения религиозного сознания вообще и оказывая в силу этого воздействие на идеологию, непосредственно вырастает из системы материальных условий жизни общества.

Стремясь представить иудаизм «религией действия», то есть поставить в нем на первое место не веру, а поступки верующего, «путь жизни», современные апологеты и модернизаторы этой религии утверждают, что догматы веры никогда якобы не были главным элементом иудаизма. «В иудейской религии, – утверждал М. Бубер, – основное значение придается не догме, а... ожиданию встречи бога и человека». Буберу вторит американский историк иудаизма Н. Глазер, пытающийся, вопреки фактам, доказать, что «...формальные теологические верования никогда не были сильны в иудаизме...».

Утверждения современных апологетов иудаизма об отсутствии в этой религии – в противоположность христианству – «тирании догматики» не соответствует действительному положению вещей. В иудаизме всегда имела своя система теологических представлений, ядро которых составлял обязательный иудейский «символ веры». Этот «символ веры» отражен в текстах торы, где закреплены идеи «богоизбранности» евреев, мессианство и т. д. Сионисты в полной мере учли воздействие «тирании догматики» иудаизма и используют ее в своей политической деятельности.

Религиозные догмы и постулаты, преобразованные в политической доктрине сионизма, явились идеологическим цементом, скрепившим союз иудаизма и сионизма в капиталистических странах. Сионисты сознательно тратят огромные средства для распространения влияния иудаизма в еврейских общинах. Адепты иудаизма в свою очередь используют целый ряд средств – от аллегорического истолкования библейских текстов до попыток дискредитации роли науки и фальсификации научных данных – во имя укрепления авторитета сионизма среди верующих.

Стремясь очистить иудейские религиозные мифы от антропоморфизма, иудейские богословы пытаются представить его всего лишь своего рода «литературным» приемом, с помощью которого тора говорит с иудеем. В этом плане профессор теологии «Еврейского объединенного колледжа» в Цинциннати (США) С. Кoen утверждает, что иудейский традиционный антропоморфизм объясняется будто бы созданием торы не для избранных, с которыми можно было бы обойтись без аллегории, а для народных масс, и потому высшая цель этой книги «освящение и совершенствование человечества».

Применяя аллегорическое истолкование иудейского мифа о сотворении человека по образу и подобию божию (Книга бытия, гл. 1, стихи 26–27), теологи пытаются представить дело таким образом, будто библейское выражение о «подобии» следует понимать не буквально, так как бог бестелесен, а в том смысле, что в человеке заложена частичка духовного бытия бога. «Творя человека, – пишет А. Барт, – бог внедрил в материю человеческого тела что-то от своего собственного духовного бытия».

Попытки поселить бога в сфере внутренней жизни человека, которые, по мнению апологетов идеи бога, должны усилить религиозную веру, подверглись в свое время резкой критике В. И. Ленина. «Философы-идеалисты, – писал В. И. Ленин, – всегда старались изменить это последнее название (бог. – Авт.), сделать его абстрактнее, туманнее и в то же время (для правдоподобия) ближе к „психическому“, как „непосредственному комплексу“, как непосредственно данному, не требующему доказательств»⁴⁸. Эти ленинские слова сохраняют свою актуальность и в настоящих условиях для критики подобного рода попыток, заимствованных иудейскими теологами из арсенала общеполитической апологетики религии.

Отрицая возможность прямого использования науки для доказательств «бытия бога», иудейские теологи пытаются вместе с тем убедить в том, что наука не отрицает бога. Они утверждают: «Зрелые религия и наука допускают сомнение: они должны поэтому, если хотят быть логичными, допустить, что замыслы и эксперименты являются, по крайней мере психологически, зависимыми от веры в порядок природы. Назовем ли мы этот порядок богом или теоретической конструкцией человеческого разума – это интригующий вопрос семантики и эпистемологии, не имеющий большого значения для психологической реальности».

В приведенном утверждении нет ничего нового, за исключением того, что для протаскивания идеи бога иудаистами используется аргументация модной в настоящее время на Западе философии семантического идеализма, объявляющей основные онтологические категории лишены всякого объективного содержания.

* * *

В наши дни, как никогда, обнаружилась абсолютная неспособность иудейской философии и теологии не только решать проблемы, выдвигаемые жизнью, но и обещать самому иудаизму и сионизму сколько-нибудь обнадеживающую перспективу. В этих условиях иудейскому клерикализму становится все труднее удерживать свои позиции, особенно в социально-политической области, в области этики, морали и быта.

В поисках выхода из создавшегося положения современные апологеты иудаизма объявили, что принадлежность к последнему может определяться не формальной верой, а практическим участием в деятельности еврейских общинных организаций (религиозных, филантропических, религиозно-политических, сионистских и т. п.). С этой точки зрения человек, формально не исповедующий иудейскую религию, но принимающий хоть какое-то участие в жизни еврейской общины, должен считаться сторонником как иудаизма, так и сионизма. Поэтому приспособлением иудаизма к нуждам сионизма занимаются теперь не только раввины-ортодоксы, но и респектабельные философы-моралисты, сионисты с учеными степенями и в Израиле, и в США, и в других капиталистических странах.

Известно, что одним из признаков острого кризиса обреченного строя являются попытки реакционных сил возвысить религиозную идеологию до уровня политики, когда политические деятели обращаются к ней, чтобы укрепить свое положение, получить «право» на моральные санкции.

Клерикализация общественной жизни в Израиле, усиленное использование еврейской монополистической буржуазией иудейской религии для экономического и духовного угнетения трудящихся в других капиталистических странах, для обоснования и оправдания этой буржуазией своих гегемонистских устремлений отражают процесс дальнейшего сращения сионизма с иудейской религией. Ставка иудейских клерикалов на сионизм, при помощи которого идеологи и служители иудейской религии стремятся расширить сферу своего влияния, означает подчинение иудаизма и всей синагогальной жизни политическим планам монополистической еврейской буржуазии, показывает, что иудаизм не видит будущего без союза с сионизмом.

Коммунистические партии США, Израиля и других капиталистических стран решительно и последовательно разоблачают реакционную сущность буржуазной идеологии, в том числе иудейской философии и теологии, призывают трудящихся к борьбе против социального и духовного гнета, клерикального обскурантизма, за демократические преобразования, обеспечение подлинной свободы всех граждан, к борьбе против сионизма.

Постепенно, в трудных условиях развертывает свою деятельность в Израиле «Лига борьбы против религиозного насилия». Члены этой пока еще немногочисленной организации справедливо считают, что защита подлинных интересов народа связана с преодолением пагубного влияния раввината и иудаизма. Прогрессивные силы Израиля во главе с Коммунистической партией выступают против политики религиозного давления на массы, требуют провозглашения свободы совести. Они призывают положить конец засилью клерикалов во всех сферах жизни общества, осуждают сионистские правящие круги за поддержку религиозных традиций, поощрение реакционных акций клерикалов.

Депутаты-коммунисты неоднократно вносили в израильский кнессет (парламент) требование полностью отделить исполнение религиозных функций от государства и немедленно прекратить притеснения людей со стороны клерикалов.

На XVII съезде Компартии Израиля подчеркивалось: «Долг всех демократических сил нашей страны добиваться введения гражданской конституции, отделения религии от государства, предоставления гарантий свободы совести и вероисповедания, принятия гражданских и демократических бракоразводных законов». Вместе с тем коммунисты Израиля выдвинули конкретную программу действий в борьбе против сионизма, который противоречит не только интересам социализма и национально-освободительного движения, не только интересам всего мира, но, не в меньшей степени, и интересам самой израильской еврейской нации.

Объективная логика классовой борьбы в Израиле и активная деятельность КПИ все больше убеждают трудящихся в реакционности иудео-сионистских доктрин, в какие бы словесные упаковки их ни прятали буржуазно-идеалистические философы, теологи и политики. Смелая и принципиальная линия израильских коммунистов и всех прогрессивных сил страны, направленная против экспансии, расизма и шовинизма сионистских правящих кругов и иудейского клерикализма, пользуется поддержкой международного коммунистического движения, всех миролюбивых и прогрессивных сил мира.

Глава 3

Концепция

Концепция «всемирной еврейской нации» – краеугольный камень идеологии сионизма. Она была разработана идеологами и теоретиками сионизма М. Гессом, Л. Пинскером, дополнена Т. Герцлем, Н. Соколовым, Б. Бороховым и другими и приспособлена после создания государства Израиль их последователями к современным условиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.